

К. Е. Сигалов²**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ИНТЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ**

Экономическое сознание непосредственно связано с сознанием правовым и более всего в нем нуждается прежде всего тогда, когда люди желают обрести определенные способы и принципы регуляции производства и хозяйственной деятельности. «Экономическое сознание — это сознание хозяйствующего субъекта, достигшее определенного уровня своей развитости и активности, обретшее свою относительную самостоятельность и особую практическую значимость, а не просто имеющее сознание организатора и производителя продукции»³.

Любое сознание — правовое, политическое, даже религиозное и философское — является отражением экономических отношений в обществе. Экономические же отношения складываются объективно, они обусловлены господствующей цивилизационной производственной технологией и выражаются в тех формах собственности, которые преобладают в данной

цивилизации. Именно характер собственности определяет содержание права и характер власти. Чем более развиты отношения собственности (в самом широком смысле — не только собственность вещей, но полноценное обладание возможностью заниматься своими делами, получать образование, распоряжаться временем и т. д.), тем более пронизана правом вся ткань социальной жизни. Как ни странно, право не особенно преуспело в определении того, что есть собственность. Т. Беттелл отмечает: «Юристам до сих пор не удалось дать краткое определение собственности, что на этот раз им не в упрек. При детальном рассмотрении собственность вмещает бесконечное множество оттенков, компромиссов и сложностей. Любое простое определение тут же обрастает множеством исключений и уточнений. Исторически, однако, считалось, что собственность описывает закрепленное законом или обычаем отношение между личностью и вещью»⁴. Собственность являет собой форму притязания на обладание материальными предметами или духовными явлениями, а также отношениями, которые возникают в процессе освоения ими этих феноменов.

Начиная с древности отношения, складывающиеся вокруг и относительно собственности, составляли существо права. Это азбучная истина, но единого подхода к этому никогда не было. Во-первых, потому что формы собственности всегда различались. Во-вторых, весьма вариативны были способы ее защиты. В-третьих, всегда имелось множество мнений относительно существа тех явлений, которые обозначены в первых двух пунктах.

² Заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Легитимация как идейное объяснение власти», «Алгоритм правовых противоречий государства, гражданского общества и личности в кризисных ситуациях», «Идейно-ценностные условия формирования западно-европейского права», «Частноправовые и публично-правовые основания эффективности государства», «Возможности правовой антипации на примере исламского финансового права» (в соавт.), «Детектив как отражение специфики национальной правовой культуры», «Гражданское общество» (в соавт.) и др. Почетный сотрудник Министерства внутренних дел РФ.

³ Малахов В. П. Право в контексте общественного сознания. Принцип взаимопонимания. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. С. 21.

⁴ Беттелл Т. Собственность и процветание. М. : Ирисэн, 2008. С. 33.

Именно наличие собственности, ее принадлежности, а также возможности всесторонне распоряжаться ею вызвало необходимость в новом инструменте регулирования, заменившем прежние, устаревшие. Собственность всегда была не только важнейшей сферой ответственности права, но и «отправной точкой» правового механизма. Именно она определяла «конфигурацию» самого права и государственной власти, а также способы и приемы, с помощью которых право старалось регулировать социальные отношения, а власть управляла собственностью и обеспечивала порядок в обществе.

Экономическое бытие и право в определенный исторический период (в каждое конкретное время) и в определенной цивилизации (в каждом конкретном пространстве) имеют свою специфику и свое проявление. В дальнейшем «лучшие образцы» признаются и воспринимаются мировым сообществом.

В. Зомбарт справедливо полагает, что именно нормы иудейского права, которые издавна способствовали феномену более широкого экономического оборота, в дальнейшем были имплементированы всем европейским правом в целом¹. Затем «римляне выработали и применяли принцип определенности закона, который можно описать так: закон не может быть изменен внезапно или непредсказуемым образом... Такое представление о законе было ключевым с точки зрения свободы, которой римские граждане обычно обладали в экономической деятельности и вообще в частной жизни. В связи с этим очень важно отметить, что процесс создания закона, который использовали римские юристы, привел к тому, что юридические взаимоотношения граждан очень напоминали экономические отношения на свободном рынке»².

И. Бентам считал, что «собственность и право рождаются и должны умирать вместе. До появления законов не было никакой собственности: уберите законы — исчезнет всякая собственность»³. Обладающий собственностью, то есть имуществом, на которое он имеет исключительное право, желает, чтобы не только его собственная физическая сила или обычай охраняли таковое. Западная парадигма с определенного времени предусматривала нечто иное, что могло бы защитить собственность в тех случаях, когда обычай уже не в состоянии охранять собственность, а физической силы недостаточно. Поэтому главное достижение римского частного права — это система отношений, касающихся пользы отдельных лиц, защиты частной собственности. И хотя в римском праве частная собственность еще не была отделена от владения, да и само представление о собственности не было совершенным⁴, все же западноевропейское право было выстроено на римской установке, предусматривающей невозможность покушаться на частную собственность. Но западноевропей-

ское право пошло значительно дальше, чему способствовали развитие городского права и ожесточенная борьба «третьего сословия» за свои права и свободы, закрепление за частными лицами земли, жилищ, товаров и других произведенных и приобретенных предметов. Покушение на собственность подданных стоило некоторым монархам не только трона, но и головы. Английскому королю Карлу I было инкриминировано то, что он произвольно и бессистемно собирал налоги, ограничивая, таким образом, право подданных распоряжаться своей собственностью. Обладание собственностью стало основанием гражданства: полноценными гражданами считались те, кто владел землей, недвижимостью или еще каким-либо имуществом. Буржуазное право собственности — порождение западноевропейских национальных правовых систем, отрицание феодального правового партикуляризма.

Феномен «сделки» в современном русском языке отягощен коммунистическим наследием, придающим ему некий порочный и ущербный характер. Но сделка — это хозяйственное воплощение договора. Равновесная и равноправная сделка честнее любых отношений, навязанных внешними обстоятельствами, кто бы за этими обстоятельствами ни стоял — государство, крупная корпорация или просто тот, кто сильнее. Эта сторона вообще плохо освещена в российском праве, а представление о договоре остается исключительно нормативистским: ни в одном из учебных курсов по теории права не сформулированы унифицированные определения понятия и признаков договора, в лучшем случае приводятся шаблонные определения частного (или гражданско-правового) договора.

Экономические отношения создают реальное видение действительности. «Коммерсант порой яснее видит действие Всевышнего, нежели человек, занимающийся Торой», писал в начале XIX века второй любавический ребе Дов Бер. Более того, именно экономические отношения создают наиболее действенный стимул для развития права. Классическое свидетельство этого — второе рождение римского права в эпоху Ренессанса. Торговые и финансовые отношения заставляли юристов совершенствовать законодательство, а властей предрержащих принимать новые законы⁵.

Позитивная ответственность — важнейший элемент экономического мироощущения. Вопрос только в том, как оно воспринимается сторонами правоотношений. Часто суть его бывает извращена изначально, причем всеми сторонами: не только предприниматели, но и рядовые граждане в своих экономических отношениях стараются всячески обмануть государство (хотя на самом деле жертвой становится общество и другие граждане). Государство, в свою очередь, занимает торгашескую позицию по отношению к гражданам, по сути обирая тех, кто не в состоянии противостоять государственному произволу, и недодавая тем, кто реально нуждается в государственной поддержке. Как и всегда, бал правят те, кто сумел присоседиться к распределению благ (только сегодня это происхо-

¹ См.: Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 517–518.

² Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 236–237.

³ См.: Правовая мысль: антол. / авт.-сост. В. П. Малахов. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 293.

⁴ См.: Покровский И. А. История римского права. Минск: Харвест, 2002. С. 34–41, 297–303; Савельев В. А. Право собственности в римской классической юриспруденции // Советское государство и право. 1987. № 12. С. 21.

⁵ Даже папы римские еще в Средние века были вынуждены принимать специальные энциклики, касающиеся, например, ссудного процента, а современные папы постоянно высказываются по экономическим, финансовым и налоговым вопросам.

дит в более изощренной, утонченной и квазирыночной форме, чем было при социализме). Позитивная ответственность из ответственности вменяемого и ответственного налогоплательщика, коммерсанта, обывателя, понимающего реальное положение дел и не пытающегося избежать разделения этой ответственности с государством, обществом, другими членами общества, превращается в идеологически навязываемую ответственность в виде уступок государственной машине, «презумпцию вхождения в положение», когда гражданин обязан, а государство и общество не в состоянии.

Контроль и за предпринимательством и рядовыми гражданами необходим, ибо его отсутствие может привести к анархии и разбалансированию всей системы социальных и экономических отношений, но в зрелом обществе и действительно социальном государстве он предусматривает презумпцию взаимной добросовестности и компетентности государства и граждан.

Частный интерес — это проявление индивидуальности, характерное для определенного типа общественно-производственной технологии, когда деятельность отдельной личности имеет значение и небезразлична для всего общества. Наличие частного интереса, сферы отношений, когда человек вынужден сам обеспечивать свое материальное существование, позиционировать свои отношения с другими индивидами, обществом в целом, государством и его институтами, заставляет всех участников устанавливать границы этих отношений, их статус, права, обязанности и от-

ветственность участников по отношению друг к другу. Это не исключает наличие коллективного, общественного и государственного интересов, столь же характерных для личности, но производных от частного интереса. Именно частный интерес в различных сферах общественной жизни заставляет людей выстраивать отношения, регулируемые правом¹. Частный интерес, фиксируя специфику общественно-производственной технологии, особенности общественных отношений и менталитет личности и общества, сообщает конкретному праву неповторимые черты, особый характер и всю архитектуру правовой культуры. Тем не менее, какими бы свободными ни были экономические отношения, они всегда должны регулироваться правом — именно таким образом они и становятся свободными. Как только право «упускает из виду» какую-либо сферу экономической жизни, туда немедленно врываются «право сильного», произвол, насилие и прочие проявления «неправ»².

Частный интерес как основа и движущая сила экономической жизни формирует отношения, складывающиеся между людьми, устанавливает степень самостоятельности и независимости каждого из членов общества. Эта самостоятельность и независимость может быть защищена не только и не сколько государственной властью и административным ресурсом, сколько правом, ибо самостоятельному и независимому человеку комфортно и удобно именно таким образом регулировать свои отношения с другими людьми, обществом и государством.

¹ В данном контексте автор абстрагируется от концепций происхождения права по тому или иному основанию, фиксируя внимание исключительно на самом факте «рождения» права.

² Об этом свидетельствует и вся экономическая история разных стран со времен Античности до современности; всем памятна «свободная экономика» начала 1990-х годов в России.